

ИДЕЯ СОЗДАНИЯ АРМЯНСКОГО И АЛБАНСКОГО ГОСУДАРСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 18 ВЕКА

Гоар Мхитарян

Институт Востоковедения НАН РА, Ереван

Abstract

The analysis of the Transcaucasian policy of the Russian Empire in the second half of the 18th century states that, taking into account the Turkish-Iranian geopolitical factor in Transcaucasia, the Russian diplomacy temporarily refrains from the military intervention in the region by replacing it with the endorsement of the military-political influence.

In the second half of the 18th century, the ruling circles of the Russian state considered the creation of a buffer zone on the western shore of the Caspian Sea represented by the Christian (Armenian, Georgian) and Muslim (so-called Albanian) states as a danger averting factor on the southern borders of Russia.

Thus, the idea of the creation of the Armenian states and the land of Aluank was aimed at the formation of the political system of checks and balances that would control the situation in the region (to maintain the balance among the Transcaucasian khans) and outside the region (to neutralize the possible expansion of political influence of the Ottoman Empire and Iran).

Keywords: *Eastern Transcaucasia, Russian Empire, Iran, Ottoman Empire, Karabakh Khanate, Ibrahim-Khan, Kerim-Khan Zend, Armenian State, Aluank (Albania), Catherine II*

Аннотация

Анализ закавказской политики Российской империи во второй половине 18-го века указывает на то, что русская дипломатия, учитывая турецко-иранский геополитический фактор в Закавказье, на время отказалась от военного вмешательства в регионе, заменив отправку армейских частей укреплением политического влияния.

Во второй половине 18-го века правящие круги российского государства в качестве фактора, отвращающего опасность от южных границ России, рассматривали создание буферной зоны на западном берегу Каспийского моря в лице христианских (армянских, грузинских) и мусульманских феодальных образований.

Таким образом, идея создания армянского и албанского государств служила формированию системы политических противовесов, которые должны были регулировать ситуацию как внутри региона (сохранить баланс сил среди закавказских правителей), так и вне его (нейтрализовать возможность политического усиления Османской империи и иранского государства).

Ключевые слова: *Восточное Закавказье, Российская империя, Иран, Османская империя, Карабахское ханство, Ибрагим-хан, Керим-хан Зенд, армянское государство, Алуанк (Албания), Екатерина II*

Важное геополитическое и геостратегическое положение Закавказья – одного из наиболее чувствительных регионов мира – делало его яблоком раздора между Ираном, Российской Империей и Османским халифатом. Политический кризис в иранском государстве охватил не только Иран и Закавказье, но и прилегающие к ним ре-

гионы. Геополитический баланс сил в регионе во второй половине 18-ого века полностью был разрушен.

После смерти Надир-шаха (1747 г.) Иран временно распался на целый ряд полунезависимых государственных образований – ханств (Мхитарян 2013: 119-127). Так, на территории Закавказья образовались Ереванское, Нахичеванское, Карабахское, Дербентское, Шакинское, Шемахинское, Кубинское, Бакинское, Гянджинское (Гандзакское), Тальшинское ханства, а также несколько султанатов (Куткашенский, Арешский, Казахский и т. Д.).

Внешняя политика государственных образований Закавказья в этот период характеризуется повышенной активностью региональных держав – Ирана, Османской и Российской империй. Каждая из них преследовала в Закавказье свои военно-политические и торгово-экономические цели, используя разные методы.

Так, во второй половине 18-ого века иранские правители не хотели отказываться от своих “законных прав” на Закавказье. Отсутствие необходимых рычагов давления (военно-политического и административного) на местных ханов и правителей заставляло их временно смириться со сложившейся ситуацией и выжидать в поисках удачного момента.

В свою очередь, Османская империя в Закавказье действовала весьма осторожно, пытаясь привлечь закавказских (а также дагестанских) мусульманских правителей на свою сторону, взывая к их религиозной общности и всячески поддерживая центробежные силы в Закавказье (Армяно-русские отношения 1990: 83).

Приоритетные позиции Османской империи в прикаспийских областях существенно упрочили бы ее статус в регионе и сконцентрировали бы русско-иранскую торговлю в руках турок, приоткрывая дорогу “к российским внутренним границам” (Архив князя Воронцова 1882: 309).

Политический хаос в Иране послужил для активизации закавказской политики России. Эпоха Екатерины Великой (1762-1796 гг.) характеризуется формированием и реализацией активной (наступательной) военной политики в Закавказье – юго-восточные районы России продолжали оставаться уязвимыми. Экономический рост страны, развитие свободной и более безопасной торговли, прорыв морской блокады и восстановление сообщения через Черное и Каспийское моря определили стратегию военно-политических интересов российского государства во второй половине 18-ого века.

Правящие круги российского государства всячески стремились удержать Закавказье в зоне своего влияния, поскольку геополитический вакуум грозил усилением в регионе Османской империи, как это уже произошло в результате распада государства Сефевидов в 20-ых годах 18-ого века. Во второй половине 18-ого века в отсутствие централизованного иранского государства Российская империя вернулась к так называемой петровской политике сдерживания Османской империи в Закавказье, которая, однако, получила *новое содержание*. До решения проблем в Северном Причерноморье Российская империя должна была остерегаться вооруженного столкновения с Османской империей в Закавказье.

Для российского государства в кавказском геополитическом треугольнике “Иран-Российская империя-Османский халифат” последняя играла особую роль. Дело в том, что до окончательного решения “Причерноморского (в частности, Крымского) вопроса” Петербург придерживался политики сдерживания турок в регионе, лишая их возможности контролировать побережья западного Каспия. Поэтому с самого начала русско-турецкой войны 1768-1774 годов военные действия развивались на черноморском побережье (в частности, Азов), в Кабарде и в Грузии. Ареал военных дейст-

вий свидетельствовал о географии геополитических интересов России в регионе, охватывающих весь Кавказ в целом.

Османская империя с первых дней русско-турецкой войны 1768-1774 годов старалась привлечь на свою сторону ханов и правителей Восточного Закавказья. Одновременно российская разведка доносила, что Порты старается склонить на свою сторону единоверных правителей Восточного Закавказья, отправляя к ним своих посланников с тем, чтобы заручиться их политической поддержкой в ходе войны (Армяно-русские отношения 1990: 82-83).

В свою очередь, закавказские мусульманские правители, учитывая сложную ситуацию в регионе, старались лавировать между Россией, Османским халифатом и Ираном, всячески стремясь извлечь для себя выгоду и сохранить независимость (Бурнашев 1793: 5). Подобные действия ханов были более чем предсказуемы, если принять во внимание тот факт, что после распада государства Надир-шаха они получили политическую свободу. Возвращение же под верховную власть иранских шахов шло вразрез с их интересами. Более того, утверждение централизованной власти в Иране и на территории Восточного Закавказья привело бы к потере независимости этих ханств. Следовательно, признание верховной власти отдаленной Порты всецело отвечало интересам закавказских ханов, которые при этом сохранили бы свою власть.

В 1770-х годах перед российским государством стояла и другая задача - создать из местных правителей Восточного Закавказья антитурецкую коалицию, дабы нейтрализовать турецкую опасность в регионе, удерживая ханов в фарватере российской кавказской политики (РГАДА¹, разряд XXIII, д. 13, ч. V, лл. 62-62 об, 72-72 об.).

После поражения Османской империи и подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора закавказские правители частично переориентировались на Россию, тем самым признав ее в качестве главенствующей политической силы в регионе. В планы российского правительства, однако, не входило скорейшее укрепление военного присутствия России в Закавказье и уничтожение местных ханов, которое могло бы вызвать сопротивление последних, а также агрессивную реакцию Ирана и Османской империи. Военное вторжение России на бывшую территорию иранского государства могло бы разрушить хрупкий мир между Россией и Османской империей, которая искала повода для реванша после поражения в первой русско-турецкой войне.

Очередная волна напряжения в Восточном Закавказье поднялась, когда в 1779 году в своей резиденции в Ширазе на 80-ом году жизни скончался правитель Ирана Керим-хан Зенд. Иран погрузился в очередную внутривосточную смуту, которая продолжалась более двух десятилетий в виде кровопролитных междоусобных войн, разоривших страну и дестабилизировавших ситуацию в Закавказье и на Ближнем Востоке в целом.

В то же время, распад иранского государства создавал благоприятные условия для русско-турецкой экспансии в Закавказье. В 80-х годах XVII века российские правящие круги заключили, что настало время для окончательного решения т.н. "персидского вопроса". С целью защиты геополитических и торгово-экономических интересов Российской империи первостепенными задачами становились утверждение

¹ Российский государственный архив древних актов, <http://rgada.info/>.

российского протектората над Восточной Грузией и создание вассального армянского государства.

Таким образом, в 50-80-х годах 18-го века Российская империя рассматривала необходимые для своей закавказской политики долгосрочные решения, т.е. механизмы, посредством которых стало бы возможным урегулирование отношений с правителями Османской империи, Ирана и закавказских мусульманских ханств.

В системе политических противовесов Российская империя особую роль отводила Картли-Кахетинскому царству. С ее скрытой поддержкой грузинскому царю Ираклию II в 80-х годах 18-го века удалось установить в Восточном Закавказье паритет военно-политических сил. Заключение Георгиевского трактата (24 июля 1783 г.) (Полное Собрание Законов Российской Империи, т. XXI 1830: 1013-1017) стало краеугольным камнем в кавказской политике Российской империи, т.к. укрепило ее военно-политическое влияние и реальное присутствие в Закавказье.

Таким образом, русско-грузинский договор, по которому Картли-Кахетинское царство перешло под покровительство России, привел к новой расстановке сил в Закавказье. В 80-х годах 18-го века Иран вновь погрузился в политический хаос, а борьба за шахский престол стала первостепенной задачей. Тем временем в Закавказье Ибрагим-хан, до 1760 года находившийся в заложниках у Фатали-хана и после обретения свободы признанный Керим-ханом Зендом владельцем Карабаха (Матенадаран, рукопись N 4331, л. 45 об.; *The Life and Addventures of Joseph Emin, an Armenian* 1792: 315), и Фатали-хан “старались ловить рыбу в мутной воде” (Бутков 1869: 140). К тому времени в Закавказье образовались две противоборствующие группировки. Одна из них руководилась со стороны грузинского царя Ираклия II и Ибрагим-хана, другая – со стороны Фатали-хана. Чтобы заручиться российской поддержкой Ираклий II и Фатали-хан очерняли друг друга перед российским руководством, подчеркивая свое значение для Российской империи. Для единовластного утверждения в Восточном Закавказье Фатали-хану необходимо было захватить Карабах, и с этой целью в начале 80-х годов он совершил ряд неудачных походов против Ибрагим-хана. Естественно, что Ираклий II не мог сидеть сложа руки, тем более, что между ними существовала присяга “в случае нужды помогать друг другу” (РГАДА, разряд XXIII, д. 13, ч. 3/1, л. 84 об.). В свою очередь, правящие круги империи в лице императрицы Екатерины II не исключали возможность принятия Ибрагим-хана под российское покровительство, что было “сделано с царем Ираклием” (Сборник Императорского русского исторического общества, 1880: 256).

Успешно решив “Крымский вопрос” в середине 1780-ых годов, Российская империя умело применяла принцип политического равновесия по отношению к сильнейшим правителям Закавказья, грузинскому царю Ираклию II (в политическом союзе с ним выступал Ибрагим-хан Карабахский) и Фатали-хану Кубинскому, предотвращая появление в Закавказье однополярной политической системы. Однако ситуация в Восточном Закавказье в середине 1780-х гг. вынудила Россию скорректировать свою закавказскую политику. Дело в том, что в случае победы антикубинской коалиции фактическим хозяином западного берега Каспия становился Ибрагим-хан Карабахский, что означало бы усиление турецкого влияния в Восточном Закавказье – зоне военно-политических, стратегических и торгово-экономических интересов России.

Известно, что в первой половине 1780-х годов правящие круги России предусматривали создание независимого христианского государства Дакии на территории Молдавии, Валахии и Бессарабии. Помимо т.н. “греческого проекта” в

геополитических планах русского двора существовала идея создания армянского государства, которая воодушевила деятелей армянского освободительного движения - архиепископа И. Аргутяна и И. Лазаряна (Иоаннисян 1990).

С другой стороны, во второй половине 18-го века Российской империи не удавалось создать антитурецкую коалицию из местных ханов и владетелей Дагестана. В середине 80-х годов выраженную турецкую ориентацию имел Ибрагим-хан Карабахский. Правящие круги России старались удержать его в зоне своего влияния и с этой целью разыграли идею создания армянского государства. Ведь для карабахского хана не было секретом, что в планах русской дипломатии территория Карабахского ханства составляла ядро будущего армянского государства. Идея создания Армянского царства проявлялась в донесении князя Г. Потемкина к генерал-фельдмаршалу П. Потемкину, в котором отмечалось, что после свержения Ибрагим-хана Карабахское ханство должно быть включено в состав новоиспеченного армянского государства (Армяно-русские отношения в XVIII веке, 1990: 239). Более того, границы Картли-Кахетинского царства должны были быть расширены за счет присоединения Гандзакского ханства, на которое имел свои виды Ибрагим-хан карабахский (РГВИА², ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. III, лл. 15-16). Он прекрасно понимал, что отсутствие централизованного государства в Иране и неспособность отдельных ханов противостоять российской экспансии в начале 1780-х годов создавали благоприятные условия для вторжения в Закавказье.

Слухи о возможном вторжении русских войск в Закавказье во второй половине 80-х годов 18-го века насторожили ханов, а Ибрагим-хан Карабахский предпринял политический маневр и предложил принять его под имперское покровительство. Вышесказанное подтвердилось позицией правящих кругов Российской империи, когда Ибрагим-хан проявил желание получить русское подданство. Когда он обратился к российскому двору с просьбой принять его под покровительство Ее Императорского Величества, генерал-фельдмаршал П. Потемкин ответил, что российская императрица от своих подданных ожидает лишь верности (Бутков 1869: 144).

Таким образом, во второй половине 80-х годов 18-го века закавказская политика Российской империи претерпела некоторые изменения. Так, помимо двух христианских государств предусматривалось создание еще одного буферного государства – из мусульманских владений от Дербента до Гиляна. Этот геополитический проект России 1783-1784 годов не был реализован в связи с изменением военно-политической ситуации в регионе. Так, нестабильная ситуация на Северном Кавказе, сложившаяся вследствие восстания под руководством шейха Мансура, а также нашествие Омар-хана на Грузию и сопредельные области заставили Россию отказаться от завоевательных планов в Закавказье. Следовательно, “армянский проект” в 1785-1786 годах был снят с повестки дня русской дипломатии.

Анализ переписки российских правящих кругов первой половины 80-х годов 18-го века свидетельствует о том, что план возрождения армянского государства служил своего рода сдерживающим фактором для Ибрагим-хана и Ираклия II. Отметим, что в политические границы новоиспеченного армянского государства, помимо Карабаха, входило и подвластное грузинскому царю Ереванское ханство. Было очевидно, что столь сильное желание императрицы Екатерины II решить армянский

2 Российский государственный военно-исторический архив <http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/>

вопрос исходило из военно-политических интересов России – распространения политического влияния на Карабах (Лео 1972: 346).

Таким образом, анализ российской закавказской политики показывает, что идея создания армянского государства служила лишь политической приманкой, призванной удержать Ибрагим-хана от турецкого покровительства. С другой стороны, идея возрождения Армянского царства имела своей целью удерживать карабахского хана и грузинского царя Ираклия II в фарватере российской внешней политики.

После совместного похода на Гандзак (1785) Фатали-хан Кубинский предлагает грузинскому царю Ираклию II совершить совместное нападение на Карабахское ханство. В случае победы подразумевалось, что арцахские армяне должны были перейти под грузинское покровительство, а мусульманская часть населения – под покровительство Фатали-хана (РГАДА, ф. 15, д. 197, л. 6 об.).

Более того, в 1785 году в Иране фактическим правителем становится Ага-Мухаммад-шах Каджар, который устремил свой взор на север, в Закавказье. А после начала второй русско-турецкой войны (1787-1791) правящие круги Российской империи реально представляли угрозу своим интересам в Закавказье. Так, иранский правитель мог бы посеять вражду между Фатали-ханом и Ибрагим-ханом. Поэтому Россия добилась подписания союза между Ираклием II и Ибрагим-ханом в 1787 году и тем самым удержала в сфере своего влияния карабахского хана, который был ориентирован на союзнические отношения с Османской империей. Следовательно, союз между Ибрагим-ханом и Ираклием II всячески поддерживался российской стороной, т.к. именно через грузинского царя появлялась возможность влиять на шушинского хана.

Таким образом, политические события, развернувшиеся в Закавказье в середине 80-х годов 18-го века показали, что до окончательного решения причерноморского вопроса (оттеснение турок за Днестр, что было достигнуто лишь при подписании Ясского мирного договора) идея создания Армянского царства не могла быть долгосрочной. Для закавказской политики Российской империи идея создания армянского и албанского государств служила формированию системы политических противовесов, которые были призваны регулировать ситуацию как внутри региона (сохранять баланс сил среди закавказских правителей), так и вне его (нейтрализовать возможность политического усиления Османской империи и иранского государства).

В свою очередь, проект создания Албании в рамках прикаспийских областей и исконно персидских земель должен был обеспечить легитимность военно-политического утверждения Российской империи на правобережье Куры. К идее создания албанского государства российские правящие круги вернулись во второй половине 90-х годов 18-го столетия, когда уже оформилась идея защиты южных границ России посредством создания зоны безопасности на западном берегу Каспийского моря, а именно - буферных мусульманских княжеств (Mxit'aryan 2018).

Иначе сложилась судьба “армянского проекта”. Так, в результате сокрушительного похода Ага Мухаммад-шаха Каджара на Закавказье в 1795 году значительная часть армянского населения Восточного Закавказья и Карабахского ханства вместе с отступающими русскими войсками под командованием графа Валериана Зубова в 1796 году направилась на Север (Mxitarян 2015: 22-23), а идея о возрождении отечества оказалась “лебединой песней” армянских общественно-политических деятелей (И. Лазаряна, И. Аргутяна и других) второй половины XVIII века (Ferrari 2004: 62).

Таким образом, закавказскую политику Российской империи и идею возрождения Армянского царства, а также проект создания Албании необходимо рассматривать в контексте безопасности южных рубежей Российской империи,

условием которой было утверждение предсказуемой политической ситуации в Закавказье в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Армяно-русские отношения в XVIII веке. 1760-1800 гг.* (1990), сборник документов под ред. М. Нерсисяна, т. IV, Ереван.
- Архив князя Воронцова* (1882), под ред. П. И. Бартенева, кн. XXV, Москва.
- Бурнашев С. (1793), *Описание областей Адребижанских в Персии и их политического состояния*, Курск.
- Бутков П. (1869), *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.*, ч. II, СПб.
- Иоаннисян А. (1990), *Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия*, Ереван.
- Лео (1972), *История Армении*, Собрание сочинений, т. III, кн. IV, Ереван.
- Мхитарян Г. (2013), “Северо-Восточное Закавказье в контексте внешней политики России в 70-х гг. XVIII в.”, “*Caucasica*” ежегодник, Общественный институт социальных и политических исследований черноморско-каспийского региона, т. II, Москва: 119-127.
- (2013) (2), “Формирование статуса полунезависимых ханств Северо-восточного Закавказья” (1750-1770-ые гг.), *Вестник общественных наук* № 2, НАН РА, Ереван (на арм. яз.).
- (2015), “Социальный и правовой статус армян северо-восточного Закавказья во второй половине XVIII века”, *Армяноведческие исследования (периодический сборник научных статей)*, 5/2014, Степанакерт (на арм. яз.).
- Полное Собрание Законов Российской Империи, Собрание первое, 1649-1825 гг.* (1830), под ред. М.М. Сперанского, т. XXI.
- Сборник Императорского русского исторического общества* (1880), т. 27, СПб.
- Ferrari A. (2004), “Nobility and Monarchy in Eighteen Century Armenia; Preliminary Remarks to a New Study”, *Iran & the Caucasus*, vol. VIII, № 1.
- Mxit'aryan G. (2018), *Arevelyan Andrkovkasi varč'ak'alak'akan kazmavorumnerə Žə dari erkrord kesin*, Erevan.
- The Life and Addventures of Joseph Emin, an Armenian* (1792), vol. II, London.